

хватит болтать — и домой! — И он затолкал их в гостиницу.

Макс выглядел ошеломленным.

— И что, теперь все время вот так? — не мог поверить он.

— Нет, — утешила его Анна. — Это худшее из того, что у нас уже было, — она вспомнила розоватое небо и добавила: — Должно быть, очень сильный пожар.

К ночи интенсивность воздушных налетов не ослабла, и фрау Грубер, хозяйка гостиницы, предложила желающим ночевать прямо в холле. Она принесла коврики, постояльцы помогли сдвинуть столы, и скоро холл превратился в место для привала. Кто-то устроился на стульях, подложив подушку под голову. Кто-то улегся прямо на полу, подстелив одеяло. Кто-то переоделся в пижаму или халат. А кто-то остался в обычной одежде и прикрылся пальто — на случай, если бомба упадет на гостиницу: тогда можно сразу выскочить на улицу. Автор книги о природе юмора надел полосатую пижаму, твидовый пиджак и шляпу.

Когда все более или менее обустроились, фрау Грубер, уже в халате, появилась в холле с подносом. На подносе стояли чашки и кувшин с какао — будто собравшимся предстояло отмечать общий праздник.

В какой-то момент весь свет, кроме маленькой лампочки в углу, выключили. И фрау Грубер, которую все происшедшее почему-то приободрило, пожелала всем доброй ночи. «Ну не смешно ли это? — подумала Анна. — В сложившихся обстоятельствах?»

Анна лежала на полу рядом с Максом, голова под столом. Мама и папа заняли два стула вдоль

прохода. Как только в комнате стало темно, на тяжелое уханье и удары, доносившиеся снаружи, уже невозможно было не обращать внимания. Анна слышала звуки летящих самолетов — раздражающее жужжание, напоминавшее комариное, только на несколько октав ниже, — и звуки падающих бомб. Бомбы по большей части падали далеко, и то взрывы были довольно сильными. Некоторые люди умели различать по звуку немецкие и британские самолеты — но не Анна. Для нее все самолеты гудели по-немецки.

Она чувствовала, как люди вокруг двигаются и перешептываются: всем было не до сна.

— Макс? — позвала Анна тихо.

Он тоже не спал и повернулся к ней:

— Ты в порядке?

— Да, — шепнула она. — А ты?

Макс кивнул.

Анна вдруг вспомнила, как была маленькой и боялась грозы. А Макс ее успокаивал — объяснял, что в небе гремит, потому что Бог что-то не то съел.

— Ты помнишь... — начала Анна.

И Макс тут же подхватил:

— Я как раз об этом подумал: Бог что-то не то съел. Ему в это время должно быть не по себе.

Анна засмеялась. Но потом они оба замолкли, прислушиваясь к жужжанию самолета. Казалось, он кружит прямо у них над головами.

— А ведь я мог мирно лежать в кровати на острове Мэн, а Отто рядом почитывал бы Вудхауса, — заметил Макс.

Жужжание сделалось тише, потом снова усилилось (кружит над нами, подумала Анна) — и наконец растаяло где-то вдаль.

— Макс, в лагере было очень плохо? — спросила Анна.
— Да нет, — ответил Макс. — После того, как мы уже обосновались. Я имею в виду, никто не зверствовал или что-то вроде этого. Мне был отвратителен сам факт, что я в лагере. Я не должен был там оказаться.

Анна подумала, где должна была оказаться она: здесь, в гостинице, среди других беженцев? Точно так же она могла оказаться где-то еще.

— Понимаешь, — сказал Макс, — может, это звучит самонадеянно, но я часть этой страны. Я понял это еще тогда, когда пошел в английскую школу. Вдруг почувствовал: у меня есть право так считать. Джордж и Билл думают так же.

— Да, — согласилась Анна.

— Я хочу одного: делать то же, что и другие. Мне должны это позволить. Представь себе, в лагере были люди, считавшие себя везунчиками — потому что там безопасно. По характеру я, наверное, человек не армейский. И видит бог, мне совсем не хочется погибнуть. Но для меня в тысячу раз важнее оказаться в пехоте вместе с Джорджем или в Военно-воздушных войсках вместе с Биллом, чем считаться каким-то особенным!

Раздался страшный грохот, гораздо ближе, чем раньше. Все здание затряслось. Анна почувствовала, как под ней задрожал пол, и в ее сознании всплыло слово «обстрел». «Я под обстрелом, — подумала Анна. — Я лежу на полу гостиницы “Континенталь”. На мне розовая пижама. И я в эпицентре обстрела».

— Макс, тебе страшно? — спросила Анна.

— Не очень, — ответил Макс.

— И мне тоже не очень.

— Знаешь, — заметил Макс, — мне даже легче от мысли, что я переживаю это вместо со всеми!

Налеты продолжались всю ночь. Анна спала урывками: ее то убаюкивало гудение самолетов, то будил отдаленный грохот. Наконец в половине пятого утра объявили отбой и в холле появилась фраза Грубер. Эскалацию воздушной войны, предпринятую Гитлером, она восприняла как личный вызов и решила ответить на нее чашками с чаем. Фрау Грубер отодвинула шторы затемнения, и Анна с удивлением увидела, что Бедфорд-террас выглядит как обычно. На улице было пусто, обшарпанные домишки молчаливо стояли под бледным небом — как будто прошедшая ночь ничем не отличалась от предыдущих. Дверь в доме напротив открылась, и оттуда вышла женщина в брюках и пижаме, надетой поверх брюк. Она внимательно взглянула на небо — прямо как Анна минуту назад. Потом зевнула, потянулась и ушла обратно в дом — то ли досыпать, то ли готовить завтрак.

Максу не терпелось приступить к своей новой работе как можно скорее. Он с трудом дозвонился на Юстонский вокзал по телефону. Ему сообщили, что противник не ведет активных боевых действий по всей линии фронта. Поэтому мама

и Анна попрощались с Максом и, как обычно, ушли на работу. А Макс в компании папы остался собирать вещи.

Было чудесное ясное утро. Анна шла к Тоттенхэм-Корт-роуд и удивлялась обыденности того, что видела. Правда, на улицах было больше машин и такси, чем обычно, и часто — с багажом, уложенным высокой кучей на крыше: люди покидали город. Пока Анна стояла на перекрестке, напротив открылась лавка зеленщика. Хозяин ей улыбнулся и заметил:

— Шумная ночка!

— Да, — согласилась Анна и улыбнулась в ответ.

Она торопливо прошла позади Британского музея (самая скучная часть ее ежедневного маршрута) и свернула туда, где было интересней, — на улицу с магазинами. На тротуаре валялись осколки стекла. Кто-то разбил окно, решила Анна. А потом подняла глаза — и увидела улицу.

Осколки и куски кирпича валялись повсюду. Двери болтались. А на газоне напротив, где должен был стоять дом, зиял провал. Верхний этаж и большая часть передней стены дома рухнули и превратились в груды камней и кирпичей, заваливших дорогу. Несколько человек в рабочих комбинезонах сгребали их лопатами в грузовик.

Внутри того, что осталось от дома, были зеленые обои и ванная, выкрашенная желтой краской. Хотя большая часть пола рухнула, догадаться о том, что это именно ванная комната, не составляло труда — по ванне, которая будто висела в воздухе. А над ней — крючок с фланелевым полотенцем

и стаканчик для чистки зубов в форме Микки-Мауса.

— Ужас, правда? — спросил пожилой человек, остановившийся рядом с Анной. — Еще хорошо, что дома никого не было. Хозяйка повезла детей к своей сестре. У этого Гитлера совсем нет мозгов! — И он стал подметать стекло перед своим магазинчиком.

Анна медленно шла по улице и радовалась, что бомба попала в пустой дом. Часть улицы, прилегавшая к полуразрушенному дому, была оцеплена — на случай, если дом упадет. Неподалеку мужчина и женщина заделывали выбитые окна с помощью листов строительного картона. Кто-то из мужчин, сгребавших кирпичи, крикнул, чтобы она скорее уходила. И она свернула на боковую улицу.

Здесь разрушения были несильными: разбитые окна, пыль и штукатурка под ногами. Анна шла, пытаясь не наступать на стекла, и заметила: в осколках отражается солнце! Ветерок свивал струйки пыли у нее под ногами, загоревшими под лучами бесконечного летнего солнца. И Анне вдруг захотелось прыгать. Какое ужасное чувство, укоряла она себя, ведь во время ночного налета погибли люди! Но другая часть ее существа не желала об этом знать.

Над головой голубело небо, солнце ласково грело руки, не закрытые рукавами. Воробьи сустились над водосточным желобом. Гудели машины. Шли люди, разговаривая друг с другом... Анну вдруг охватило счастье от того, что она жива!

Те бедные люди... У них ведь теперь нет дома, пыталась думать она... Но эта мысль, не успев окрепнуть, тут же вытеснялась ощущением счастья.

Она глубоко вздохнула — в воздухе пахло битым кирпичом и штукатуркой — и побежала по улице, по Тоттенхэм-Корт-роуд — и так бежала до самого здания секретарских курсов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Теперь налеты случались каждую ночь. Как только наступали сумерки, раздавался вой сирены — почти сразу, как в небе появлялся немецкий бомбардировщик. И отбоя не было до первых проблесков рассвета. Это происходило с такой точностью, что по бомбардировкам можно было сверять часы.

Анна могла сказать:

— Мама, я схожу в магазин за конфетками? Будем есть их во время воздушного налета.

А мама отвечала:

— Хорошо, только поторопись: они будут здесь через десять минут.

И Анна бежала по теплым затемненным улицам к кондитерскому магазинчику рядом со станцией метро, чтобы купить немного ирисок. Продащица поспешно взвешивала конфеты, одним глазом поглядывая на часы. А потом Анна мчалась обратно и успевала вбежать в гостиницу с первыми завываниями сирены.

Теперь они с папой и мамой спали в холле, хотя в гостинице появилось много свободных комнат: многие постояльцы съехали сразу же после первого большого налета. И каждый день кто-нибудь уезжал.